

Масаев М.В.

УДК 930.1

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ПАССИОНАРНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЁВА И КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ

Актуальность и степень изученности темы. Мысль о том, что «мы слишком хрестоматийно рассматриваем роль личности в истории», родилась у автора «Особого района Китая» П. П. Владимировой при осмыслении в истории Китая такой личности как Мао Цзэдун [1]. Под «нами» представитель Коминтерна при ЦК КПК понимал сторонников теории марксизма-ленинизма, среди которых была популярна идея Г. В. Плеханова о роли личности «как оптическом обмане» [2, с. 273-306]. Не «марксистский» подход, а подход с позиций символического интеракционизма, замаскированный под «классовый», марксистский подход, к роли личности в истории, мы видим у К. Маркса в его «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» [3, с. 231-240]. О том, что это не марксистский подход, а подход символического интеракционизма, мы обращали внимание в наших работах [63, 65, 67, 71, 72]. Оригинальный, но весьма близкий к символическому интеракционизму [4-19] подход к роли личности в истории, личности, которой ещё не было, но приход которой ожидается, мы видим у Рене Генона. Речь идёт об антихристе [20, с. 294]. Но при всём этом реальная современная история даёт нам такие яркие примеры роли личности в истории: Ш. де Голль, М. С. Горбачёв, Б. Н. Ельцин, В. В. Путин, В. А. Ющенко, Ю. В. Тимошенко – что властно напрашивается необходимость дать более полное и более адекватное решение роли личности в истории. Это что касается актуальности темы. Отсюда же вытекает и то, что степень её изученности явно недостаточна. **Источниковая база исследования.** Автор вынес в заголовок статьи то, что исследование проводится в свете теории этногенеза Л. Н. Гумилёва и авторской концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов. Поэтому источниками исследования являются работа Л. Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» [21] и ряд других работ этого же автора [22-26 и др.]. Но Т. Б. Любимова считает недостатком цивилизационных теорий не только Л. Н. Гумилёва, но и Н. Я. Данилевского [27, 28], увидевшего перспективность нарождающейся славянской цивилизации по сравнению с западноевропейской, и К. Н. Леонтьева [29], разделившего все явления в природе и обществе, в том числе и «культуры мира» на три стадии: первичная простота, цветущая сложность и вторичное сместительное упрощение [29, с. 108], и О. Шпенглера, увидевшего «закат Европы» [30], и «постигшего историю» А. Тойнби [31, 32] является то, что эти концепции «не выходят за рамки так называемого исторического времени» [33, с. 5]. В качестве более продуктивного подхода Т. Б. Любимова предлагает историософский подход французского философа-традиционалиста, посвятившего свою жизнь изучению тех знаний, которые нам передал Бог, Рене Генона, который «смог... показать (при помощи весьма тонких наблюдений) духовное единство традиции, её эзотерический характер, когда в бесконечном множестве культурных форм всё оказывается на своём месте в полной, хотя может быть, и неподдающейся демонстрации гармонии» [33, с. 5]. Мы уже пользовались наблюдением Рене Генона за будущим поведением Антихриста для решения вопроса о роли личности в истории в опубликованном в 2006 в одесских «Перспективах» материале «Символический интеракционизм и марксизм. К вопросу о роли символа как категории философии истории» [72, с. 115]. Наблюдениями Рене Генона удачно воспользовался ведущий лабораторией психоинформатики Центра информационных проблем территорий НАН Украины, главный редактор журнала новой элиты «Перехід – IV» в своём «Арийском стандарте» [34], обосновав на них свои выводы о том, что арийский этнос родился на территории современной Украины, что именно Украина была прародиной ариев, а, следовательно, всех арийских народов. Но самые тонкие наблюдения «духовного единства традиций» в её «эзотерическом характере» вряд ли будут убедительными аргументами для Высшей аттестационной комиссии Украины. Ей нужна строго «поддающаяся демонстрации гармония». Мы попытаемся найти эту гармонию при помощи концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [35-91].

Цель работы – рассмотрев в свете вышеуказанных теории и концепции такие пассионарные личности как Александр Македонский, Ганнибал, Луций Корнелий Сулла, Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, Наполеон и генерал Шарль де Голль, доказать, что образы и символы пассионарных личностей становятся парадигмальными образами и символами эпох, цивилизаций и народов и должны быть предметом рассмотрения философии истории.

Объект исследования – роль личности в истории.

Предмет исследования – образы и символы пассионарных личностей.

Новизна исследования. Ни с точки зрения концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов, ни с точки зрения комплексного подхода, включая эту авторскую концепцию, а также концепцию этногенеза Л. Н. Гумилёва с элементами символического интеракционизма, вопрос о роли личности в истории не рассматривал никто.

По Л. Н. Гумилёву, «пассионарность – это эффект той формы энергии, которая питает этногенез» [21, с. 327]. Без пассионарности нет этногенеза. «Пассионарность ... - модус биохимической энергии живого вещества биосферы» [21, с. 324]. Пассионарные личности – «особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения» [21, с. 544]. «Формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причём дос-

тижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни» [21, с. 265]. «Особы, обладающие этим признаком, при благоприятных для себя условиях совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиций и инициируют новые этносы» [21, с. 265].

Иногда пассионариям приходится действовать при гибели этноса. Титанические усилия пассионариев оказываются бессильными сохранить этнос, при этом пассионарные личности жертвуют часто собой, доказывая, как истинные пассионарии, что то, ради чего они умирают, дороже жизни.

Так поступал карфагенский полководец Ганнибал. Его фамилия, Барка, была одной из богатейших в Карфагене. Отец Ганнибала Гамилькар приумножил богатства фамилии, подчинив Нумидию и Испанию, где его сын Ганнибал фактически был царём. Война с Римом не сулила лично Ганнибалу никаких выгод. Если бы все поступали логично, то «Ганнибал должен был сидеть в своём Гадесе и развлекаться; карфагенские старейшины должны были бы всеми силами поддерживать своего полководца; нумидийские всадники – дезертировать, чтобы не погибнуть за ненавистных финикийских колонизаторов; испанские пращники – восстать и вернуть свободу. А всё было наоборот!» - восклицает не без удивления Л. Н. Гумилёв [21, с. 295]. Ганнибал вместо того, чтобы развлекаться в Гадесе, пошёл на Рим; карфагенские старейшины в решающий момент отказались прислать своему полководцу подкрепления; нумидийцы и испанцы вместо того, чтобы восстать против Карфагена, пошли с Ганнибалом на Рим.

В результате Карфаген при лучшем в мире полководце погиб (такая же судьба при лучшем в мире полководце постигнет в 1815 г. и наполеоновскую Францию). «... Исчезла богатая пуническая литература Карфагена. Были вспаханы и заброшены долины в ущельях Атласа, ибо на эту страну пала обязанность снабжать миллионный Рим хлебом. Свободолюбивые берберы, спасаясь от жестоких римлян, отошли на юг, и их стада вытоптали ещё зеленевшие равнины Западной Сахары»..., там, где «текли реки, бродили слоны, паслись дикие лошади,... через две тысячи лет антропогенных воздействий римских и арабских завоевателей всю эту богатую фауну заменил один верблюд» [21, с. 295].

Да, удивляться есть чему. Но пассионарность – не причина алогичности действий. Пассионарность требует нелогичной жертвенности, но не является её причиной. Не была пассионарность сама по себе и причиной последствий таких алогичных действий.

Причину таких грандиозных изменений и в этнографии, и в физической географии Л. Н. Гумилёв усмотрел в том, что «на пассионарность фамилии Барка навалилась тяжёлым грузом субпассионарность карфагенских обывателей» [21, с. 295]. Эта субпассионарность «привела их (карфагенских обывателей – М. М.) сначала к проигранной войне, потом к гибели в стенах осаждённого Карфагена, потом, как следствие, повлекла покорение Нумидии, за чем последовало уничтожение ландшафта» [21, с. 295]. Если бы «субпассионарность карфагенских обывателей» не мешала, то своевременная помощь Ганнибалу означала бы «разрушение Рима, освобождение самнитов и цизальпинских галлов, остановку гиперболизированной, искусственной урбанизации и, следовательно, сохранение буковых и дубовых лесов на Апеннинах, виноградников вокруг Капуи и Тарента, этрусских городков в долине Арно. Были бы на долгое время спасены богатства Галлии и сокровища искусства Эллады...» [21, с. 295].

Со всем этим можно согласиться. Но пассионарность фамилии Барка сама по себе этого не объясняет.

Увлёкшись экологией этногенеза, Л. Н. Гумилёв не обратил внимания на такое символическое действие как «Ганнибалова клятва», а ведь именно символ, по словам представителя чикагской школы символического интеракционизма Тамотсу Шибутани, заставляет людей «вступать в священную войну, предпринимать опасное паломничество, участвовать в отвратительном линчевании или погибать, героически защищая безнадежное дело» [18, с. 105], [19, с. 108]. Так, с декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года в Афганистане погибли более 15 тысяч советских солдат и офицеров и более 50 тысяч было ранено. Было потеряно 109 самолетов, 322 вертолета, 147 танков, 1314 БМП и БТР, 432 орудия и миномета, 11377 автомобилей. Потери афганцев, которых уничтожали из всех видов оружия, составили, как минимум, миллион человек.... Через афганскую «мясорубку» прошли 527 тысяч советских воинов, в том числе 60 тысяч офицеров и более 100 тысяч десантников и спецназовцев. Расходы СССР на ведение войны и оказание безвозмездной помощи населению (до 300 эшелонов в день!) оказались роковыми для истощенной советской экономики. Десять лет никому не нужной войны обошлись советскому народу в 70 миллиардов долларов, выброшенных в ущелья и горы [94, с. 11]. И всё из-за чего? Из-за неправильно понятых символов как с одной, так и с другой стороны. СССР и ДРА воевали за идеалы социализма, а получили крах социализма как в ДРА, так и в СССР. Моджахеды, или, точнее сказать, душманы (враги – М. М.) воевали за идеалы ислама, а получили вдобавок к страшному разорению страны американскую оккупацию и проамериканский режим. А в 1830 году Николай I, получив от российского дипломатического агента в Кабуле поручика Ивана (Яна) Виткевича план ввода русских войск в Афганистан, согласованный с афганским руководством и лично с эмиром Дост Мухаммед Шахом, с целью упредить ввод английских войск, начертал на этом документе резолюцию: «Пусть в Афганистане умирают анличане». Получивший очередной чин и орден Я. Виткевич застрелился, считая задачу своей жизни – загнать русскую армию в Афганистан и создать благоприятные условия для польско-го восстания против России – провалившейся. Английский «дипломат» в Кабуле полковник Александр Бернс торжествовал, но... недолго. В одну ночь его, жившего в Кабуле без охраны, зарезали, а стоявшую под Кабулом английскую армию вырезали. Оказавшемуся при английской армии генерал-губернатору Индии помимо всего прочего отрезали нос и уши, которые коллекционировал «сторонник» англичан претендент на афганский престол Шуджи аль-Мульк. Исторический опыт был, но... приверженность к символам оказалась сильнее. Пассионарность Л. Н. Гумилёва здесь ни при чём. «Пассионарные подъемы и спады не влияют на социальное развитие человечества, если понимать под последним смену общественно-экономических формаций. Да и как может эмоция изменять что-либо в стихии сознания-разума?» - призна-

ёт сам Л. Н. Гумилёв [21, с. 296]. А вот приверженность символам вносит изменения и «в стихии сознания-разума», и в общественно-экономических формациях.

Потерпев поражение в служении символу, Ганнибал отравился, сохранив и верность символу, и детской клятве у жертвенника данной в присутствии отца.

Судьба другого пассионария, Александра Македонского, более славная, но не на много более счастливая.

«Александр Македонский имел по праву рождения всё, что нужно человеку: пищу, дом, развлечения и даже беседы с Аристотелем», - пишет Л. Н. Гумилёв. – И тем не менее он бросился на Беотию, Иллирию и Фракию только потому, что те не хотели помогать ему в войне с Персией, в то время как он якобы желал отомстить за разрушения нанесенные персами во время греко-персидских войн, о которых успели забыть сами греки» [21, с. 269]. Сюда необходимо добавить, что образ персидской агрессии не стал у греков путеводным символом, а у Александра Македонского стал, подкрепленный образом похода древних греков гомеровской эпохи в Азию против Трои. Не случайно любимой книгой Александра Македонского была «Илиада» Гомера.

Но после победы над персами Александр напал на Среднюю Азию и Индию, причем бессмысленность последней войны возмутила самих македонян. После блестящей победы над раджей Пором те, кто посмирнее, только оплакивали свою участь, но другие твёрдо заявляли, что они не пойдут за Александром. Об этом свидетельствует древний автор «Похода Александра» Арриан [95, с. 185-186]. А набравшийся смелости сын Полемократа Кен сказал в лицо великому завоевателю следующее: «Ты видишь сам, сколько македонцев и эллинов ушло вместе с тобой и сколько осталось. Когда ты увидел в Бактрии, что у фессалийцев нет больше охоты нести тяготы войны и походов, ты отослал их домой – и прекрасно сделал. Эллины, поселенные в основанных тобой городах, и те остались не совсем добровольно. Из эллинов и македонцев, которые продолжали вместе с тобой делить труды и опасности, одни погибли в боях, другие, уже не способные после ранений к военной службе, рассеялись кто где по Азии. Еще больше умерло от болезней; осталось немного, и у них уже нет прежних сил, а духом они устали ещё больше. Все, у кого ещё живы родители, тоскуют о них; тоскуют о женах и детях, тоскуют о своей родной земле, и тоска по ней простительна им: они ушли незаметными бедняками и теперь, поднятые тобой, они жаждут увидеть её, став видными и богатыми людьми. Не веди солдат против их воли. Если у них нет желания сражаться, они у тебя не будут такими, как раньше. Возвращайся сам на родину, повидайся с матерью, уладь эллинские дела, приведи в отцовский дом твои многочисленные и великие победы... Когда Кен окончил, среди присутствующих поднялся шум. Многие плакали, и это ещё яснее говорило о том, как настроены они против дальнейшей войны и какой радостью будет для них возвращение домой» [95, с. 185]. Любопытна и речь самого царя, доводы, которыми он соблазнял воинов продолжать поход. Перечислив свои завоевания, Александр заявил: «Людьми, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставая по себе бессмертную славу... Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: сохранять свою землю и только отгонять от неё соседей – фракийцев, иллирийцев, трибалов и тех эллинов, которые нам враждебны» [95, с. 184]. Вот программа пассионария, ставящего славу выше собственного благополучия и даже интересов своей страны. Не случайно даже «друзья», ближайшие сподвижники царя-завоевателя, не хотели его понимать, как в будущем перестали понимать Наполеона Бонапарта его маршалы и придворные. Примечательно, что когда Александр Македонский после выступления Кена, жертвы богам и совета с «друзьями», указавшим ему на необходимость возвращения, объявил войску, что решено повернуть обратно, «солдаты, по свидетельству Арриана, стали кричать так, как кричит беспорядочная ликующая толпа; многие плакали. Подойдя к царской палатке, они осыпали Александра добрыми пожеланиями за то, что только им позволил он одержать победу над собой, Александром» [95, с. 186]. Пассионарность Александра потонула в субпассионарности его воинов и его «друзей». В конце концов один из «друзей» Александра, Антипатр, приказал своему сыну, который был кравчим, дать царю яд» [95, с. 366].

В отличие от Ганнибала и Александра Македонского, судьбы которых трудно назвать счастливыми, то третий рассматриваемый нами пассионарий Луций Корнелий Сулла сам называл себя «счастливым».

Римский патриций и представитель нобилитета, Луций Корнелий Сулла имел дом в Риме, виллы в его окрестностях и много рабов и клиентов. Подобно Ганнибалу и Александру, он не испытывал недостатка ни в яствах, ни в развлечениях. Но пассионарность толкнула его в войско Гая Мариа, которого он презирал и ненавидел. Сулла участвовал в боях и, рискуя жизнью, схватил нумидийского царя Югурту, чтобы провести его в качестве знатного пленника по Риму во время триумфа Гая Мариа. За этот и другие подвиги Сулла получил только одну награду: шатаясь по форуму и болтая с приятелями, он мог называть Мариа бездарным болваном, а себя героем. Этому верили многие, но не все; тогда Сулла снова полез в драку, выдержал поединок с вождём варваров, вторгшихся в Италию, убил его и ... стал хвастаться ещё больше. По славе он уже превзошел Гая Мариа, но внутренний нажим пассионарности заставил Суллу возмутить легионы и взять приступом родной город и всё для того, чтобы добиться, чтобы его послали на очередную опасную войну, на этот раз против понтийского царя Митридата VI Евпатора. Сулле удалось разбить его войска и довести понтийского царя до самоубийства, то есть заставить его повторить судьбу Ганнибала. Это уже не просто доказательство пассионарности Суллы, а свидетельство приверженности его символам, как и стремление покорить Восток и прославить себе больше македонского царя, на что обращал внимание Л. Н. Гумилёв [21, с. 272], не увидев в этом, правда, ничего, кроме голой пассионарности. В конце концов такой пассионарий надоел Гаю Марию, который в 87 году до нашей эры выступил против Суллы с войском из ветеранов и рабов, которым была обещана свобода. Его поддержал консул Цинна, привлёкший на сторону

Мария популяров-италиков, то есть угнетенные Римом италийские этносы. Марий взял Рим, но как рабовладелец, чтобы не компрометировать себя опорой на рабов, приказал во время сна зарезать 4000 своих воинов-рабов. Сулла же, действуя не просто из пассионарности, а уже из инстинкта самосохранения, мобилизовал в своё войско 10000 рабов, но после победы наградил их земельными участками и римским гражданством, создав серьёзную гарантию прочности своей победы.

При этом Сулла не был честолюбив и горд, ибо сам отказался от власти как только почувствовал, что его тщеславие и зависть удовлетворены. Это означало, что пассионарный нажим опрокинул сковывающие его препятствия, а честолюбие и гордость связаны с пассионарностью не так жестко, как тщеславие и зависть – страсти, где разумное начало гораздо слабее, где пассионарность проявляется в более чистом виде, чем в тщеславии и гордости.

«Бывает так, - пишет Л. Н. Гумилёв, - что пассионарий не приносит своих близких в жертву собственным страстям, а жертвует собой ради их спасения или ради идей» [21, с. 273]. К таким пассионариям Л. Н. Гумилёв относит Яна Гуса, Жанну д'Арк и протопопа Аввакума. При этом роль пассионарности Яна Гуса Л. Н. Гумилёв не случайно доводит до роли символа, абстрагируясь на время от своей теории пассионарности.

«Конечно, Гус был хорошим профессором и пользовался популярностью среди студентов-чехов, но влияние его на все слои чешского этноса невероятно возросло после его мученической кончины. Не «герой», а его тень, ставшая **символом** (выделено нами – М. М.) этнического самоутверждения, подняла чехов и бросила их на немцев, да так, что рыцарские ополчения Германии и Венгрии панически бежали перед отрядами чешских партизан» [21, с. 274].

В двадцатилетней войне (1415-1436) чехи сумели отстоять если не свою свободу, то по крайней мере культуру, «потеряв большую часть своего населения, при этом Саксония, Бавария и Австрия потеряли около половины населения, а Венгрия, Померания и Бранденбург – значительно меньше, но тоже изрядно» [21, с. 275]. И всё это сделал уже не пассионарный герой, а «его тень, ставшая символом этнического самоутверждения».

Сходно, но не совсем, произошло в те же годы освобождение Франции от власти английского короля Генриха VI и его союзников-бургундцев, которые стремились отделиться от Франции, несмотря на то, что их герцоги носили фамилию Валуа и представляли одну из нисходящих ветвей французской королевской семьи Капетингов. Жанна д'Арк, лотарингская девушка, говорившая по-французски с немецким акцентом, не став символом, символом она станет, так же, как и Ян Гус, после своей гибели на костре, никогда не спасла бы ни Орлеана, ни короля, ни родину, если бы к её пассионарности не присоединилась пассионарность Дюнуа и Ля Гира, маршала Буссака, капитана Поитона де Сантрайля и отчаянных латников и умелых арбалетчиков, которым оказалось достаточно услышать два слова: «Прекрасная Франция» - этот символ, по выражению Л. Н. Гумилёва, формулировку этнической доминанты, чтобы понять, за что стоит бороться до победы.

Образ Жанны д'Арк станет символом, войдёт в символический капитал французской нации и будет оружием в символических войнах за свободу, независимость, честь и достоинство Франции.

Символ Жанны д'Арк войдёт в символическую казну (казну символов) и других народов. Так, ангольцы называют африканской Жанной д'Арк королеву Нголы и Матамбы Анну (Нбанду) Жингу Нголу, а некоторые русские [110, с. 125] называют тамбовской Жанной д'Арк антоновскую атаманшу девку Маруську.

Не был одинок и пассионарий протопоп Аввакум; огненные страницы его автобиографии читали и перечитывали люди, готовые на самоожожение ради того, что они чтят.

Хотя сила «старообрядничества» была не в доводах разума, а в силе страстей, то есть пассионарности, - до спокойного спора с никонианами, как отмечает Л. Н. Гумилёв, у них дело ни разу не доходило... да и защищал Аввакум вовсе не древнее православие, а привычное, что отнюдь не одно и то же [21, с. 276]. Хотя по этому поводу есть и другие мнения, как, например, у петербургского кумыка Мурада Аджи (Аджиева) [96], но основа спора здесь далека от главной темы настоящей статьи.

В любом случае, не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который Л. Н. Гумилёв называет «уровнем пассионарного напряжения» [21, с. 276]. Механизм этого явления блестяще описал один из основателей романтического направления в исторической науке Огюстен Тьерри при анализе победы Гуго Капета над Каролингами, в результате чего сложилось ядро французского этноса. «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчёта в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаясь её точно определить» [97, с. 255]. Историк-романтик не понимал разницы между инстинктом животного и таким инструментом человеческого поведения как символ, поэтому и применил по отношению к людям такое чисто биологическое понятие как инстинкт, а неосознанно регулирует социальное поведение именно символ. На это обращают внимание все символические интеракционисты [4-19], а также украинский социолог В. М. Пича [16, с. 57]. Символы в лице пассионариев мы увидим, если продолжим цитирование Огюстена Тьерри: «Если судить поверхностно, то можно подумать, что они (народные массы – М. М.) слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остаётся в истории. Но эти имена получают известность только потому, что они служат центром притяжения для большого количества людей, которые, произнося их, знают, что это должно обозначать, и в данный момент не испытывают потребности выразиться более точно» [97, с. 255]. Действительно, трудно найти другие слова, чтобы так точно описать механизм действия символа; не инстинкта, но символа, хотя и действующего как инстинкт, недоосознанно. Если вообще полностью неосознанно. Поэтому и Ганнибал, и Александр Македонский, и Луций Корнелий Сулла, и Ян Гус, и Жанна д'Арк, и протопоп Аввакум должны рассматриваться не только «как участники разных этногенезов в разных фазах и регионах» [21, с. 276] с соответствующим «этническим наполнением» [21, с. 276], а как симво-

лы, ставшие регуляторами поведения людей не только при их жизни, но и после их физической смерти. Особенно это заметно у Яна Гуса, сработавшего как символ именно после своей гибели. Заметно это и у других пассионариев, и у Жанны д'Арк, и у такого пассионария как Наполеон Бонапарт.

Лейтенант артиллерии французской армии корсиканец Наполеон Буонапарте был беден, но, как пассионарий, мечтал о карьере. Возможностью служить в лучшей армии мира, российской, он не воспользовался. Его оскорбило то, что его могли взять в эту лучшую армию мира только с понижением. Но французская революция предоставила молодому пассионарию возможность отличиться гораздо лучше, чем на службе в лучшей армии мира.

Благодаря личным связям с Огюстеном Робеспьером он был досрочно произведен в капитаны, после чего взял Тулон и, став с подачи того же Огюстена Робеспьера при настоянии уже самого Максимилиана Робеспьера генералом и уже не корсиканцем Наполеон Буонапарте, а французом Наполеоном Бонапартом, сделал к 24 годам военную карьеру.

Военная карьера была сделана, но богатства она ему не принесла, равно как и брак с красавицей, вдовой генерала, Жозефиной Богарне. Однако уже итальянская кампания сделала Бонапарта богачом. Так что остальную жизнь он мог бы прожить, не трудясь. Но что-то, а именно пассионарность, потянула его в Египет, а потом толкнула на стремительный риск 18 брюмера. Для развертывания личности Наполеона во всём её пассионарном блеске способствовали и обстоятельства: это и неудачная попытка сделать карьеру в русской армии, это и французская революция, это даже... победы А. В. Суворова в Италии. Н. Я. Эйдельман пишет: «В парадоксальном смысле можно сказать, что Суворов помог дальнейшему его (Бонапарта – М. М.) возвышению: в итальянских походах погибли конкуренты Наполеона; Директория, потерявшая Италию, была скомпрометирована, - авторитет генерала Бонапарта, без которого никак невозможно обойтись, естественно возрастает» [98, с. 189]. Подыграла Наполеону и контрреволюция, сделав этого, по выражению А. С. Пушкина, «мятежной вольности наследника и убийцу» императором. Но и став императором французом, этот пассионарий не успокоился. «Нет, он принял на себя, по словам Л. Н. Гумилёва, непомерную тяжесть войн, дипломатии, законодательной работы и даже предприятий, которые отнюдь не диктовались истинными интересами французской буржуазии, вроде испанской войны и похода на Москву» [21, с. 269]. Не случайно, описывая другого пассионария, Петра Великого, А. С. Пушкин писал, что «он ... доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более чем Наполеон» [цит. по: 98, с. 238]. Самоуверенный и презиравший человечество пассионарий, как и многие другие пассионарии, не был до конца понят своими современниками и надоел даже своим подданным. Недаром «случайно» погиб при осаде незначительного замка Шалю близ Лиможа надоевший подданным английский король Ричард Львиное Сердце. Недаром «случайно» погиб при осаде незначительной норвежской крепости Фредериксгальд надоевший шведам их король-пассионарий Карл XII. Не случайно сын Антипатра отравил Александра Македонского. Недаром парижские буржуа приветствовали русскую армию вступающую в Париж в 1814 году возгласами: «Мы не хотим войны, мы хотим торговать» [21, с. 269]. Но возвращение Бурбонов настолько разочаровало французов, что пассионарию Наполеону снова пришлось поработать. Он бежал с Эльбы и ещё сто дней поправил Францию, но усталость от пассионарных авантюр заставила маршала Груши оставить своего императора. Вместо того, чтобы добивать уже разбитого при Линьи престарелого прусского фельдмаршала Блюхера, он позволил последнему прийти на выручку английскому полководцу Веллингтону, терпевшему под Ватерлоо поражение от главных сил Наполеона.

Пассионарий Наполеон надоел французам, но его образ после физической смерти полководца в изгнании на острове Святой Елены стал символом, как и образы Жанны д'Арк и Яна Гуса и символ этот, не герой, а его тень, сыграет в истории Франции роль не на много меньшую, чем сам герой.

В 1848 г. французский народ отдал на выборах голоса кандидату в президенты Луи Бонапарту, символу, а не личности, отнесясь к нему как к нечто иному, а именно к образу дяди, Наполеона Бонапарта. Ведь, как отмечает Т. Шибутани, «символ – это некий объект, образ действия или слова, по отношению к которому люди действуют так, как если бы это было нечто другое» [18, с. 105], [19, с. 108]. В результате этого смещения такой, по выражению К. Маркса, «локомотив истории» [99, с. 86] как французская революция 1848 года «исчезла в руках ловкого шулера» [3, с. 122]. И «локомотив» этот не смог продвинуть французскую историю сколько-нибудь вперёд не по вине личности, а символа. Интересно, что, толкуя предсказание христиан о приходе антихриста, французский религиозный философ XX столетия Рене Генон полагает, что грядущий антихрист «будет не личностью, а символом» [20, с. 294]. «...это существо, даже если оно появится в форме определённой личности, реально будет скорее символом, чем индивидом, как бы самим синтезом всего перевернутого символизма, используемого «контринициацией»...как бы инкарнацией самой лживости» [20, с. 294]. Именно такой «инкарнацией самой лживости» и явился Луи Бонапарт, этот «ловкий шулер», в руках которого исчезла февральская революция 1848 года во Франции, а «целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил своё поступательное движение, оказывается отброшенным назад, в умершую эпоху» [3, с. 12]. И привели к этому не «законы классовой борьбы», не какие-то там «экономические императивы», и, конечно же, не «пассионарность» Луи Бонапарта, которой не было, а вера французов в символ, не в Луи Бонапарта как личность, а как в символ Наполеона Бонапарта. Эпигоны К. Маркса заметили в работе своего учителя «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [3] и периодизацию истории последней французской революции, и анализ всех перипетий политической жизни Франции революционных лет, они увидели бонапартистский переворот как следствие резкого обострения классовых антагонизмов буржуазного общества, усиления контрреволюционности буржуазии, которая из страха перед пролетариатом отказалась от такой непосредственной формы своего господства как буржуазная республика и ради сохранения эксплуататорского строя передала власть в руки реакционной клики авантюристов [100,

с. 375-376]. Да и статьи такого ученика К. Маркса как В. И. Ленин, написанные в преддверии Великой Октябрьской социалистической революции, а именно: «из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?» [101, с. 75-78] и «Начало бонапартизма» [102, с. 199-202] укрепили других эпигонов Карла Маркса на ложно понятой ими «высоте марксизма». Да, эпигоны К. Маркса были в самом деле «на высоте марксизма», с этой «высоты» ничего не увидели и могли оценить это поистине великое произведение публицистики К. Маркса только так. Эта «высота», за отсутствие которой советские авторы критиковали символических интеракционистов [4, с. 70], и подвела эпигонов марксизма.

Сильна же оказалась «клика авантюристов», опрокинувшая все успехи «классовой борьбы», силен же был «ловкий шулер», в руках которого «исчезла» целая революция! Тем более, что К. Маркс как раз и пытается доказать ничтожность Луи Бонапарта, и это публицисту К. Марксу вполне удается, в отличие от писателя и поэта Виктора Гюго, который в своей статье «Наполеон Маленький», стараясь унижить Луи Бонапарта, фактически возвеличил его. Нет, не был Луи Бонапарт личностью. Это показывает и его бестолковое правление, и его бесславный конец. Бездарная сдача им под Седаном в 1870 году французской армии и позорное свержение его 4 сентября того же года – самое яркое тому свидетельство.

После революции 1848 года к власти во Франции пришла не личность, а символ, «не герой, а его тень», воспоминание о сильной личности Наполеона Бонапарта и Великой французской революции, а в 1848-1851 гг. во Франции, по выражению К. Маркса, «бродил только призрак этой великой революции» [3, с. 121].

Луи Бонапарт – не личность, а символ и символ карикатурный. «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды, – так начинает Карл Маркс своё «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». – Он (Гегель – М. М.) забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Косидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера. Гора 1848-1851 гг. вместо Горы 1793-1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!» [3, с. 119].

Далее К. Маркс отмечает прагматическую необходимость символа как регулятора поведения людей. Так деятели старой французской революции (так К. Маркс называет Великую французскую революцию – М. М.) оперировали символами римской истории, осуществляли задачи своего времени «в римском костюме и с римскими фразами на устах» [3, с. 120], а Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями из Ветхого завета» [3, с. 120].

К. Маркс показывает и границы действия символа. «Когда же действительная цель была достигнута..., Локк вытеснил пророка Аввакума» [3, с. 120].

Но всё дело в том, что деятели и «старой французской революции», и английской революции были личностями и личностями пассионарными. Луи Бонапарт никакой личностью не был. Он был и остался символом, но символом пустым. Он стал президентом абсолютно незаконно, в нарушение статьи 44 – й конституции, которая гласила: «Президентом французской республики не может быть тот, кто когда-либо терял своё звание французского гражданина. Первый президент французской республики, Луи-Наполеон Бонапарт, не только потерял своё звание французского гражданина, не только был специальным констеблем в Англии – он был к тому же натурализованным швейцарцем» [3, с. 136]. Он не был достойным кандидатом в президенты, он был лишь символом. И уж совсем не как личность он вёл себя при совершении переворота. «Кромвель при роспуске Долгого парламента явился один в зал заседаний, вынул часы, дабы не дать парламенту ни одной минуты долее назначенного им срока, и выпроваживал каждого члена парламента весёлыми, юмористическими насмешками, Наполеон (Наполеон Бонапарт – М. М.), более мелкий, чем его прототип (К. Маркс считал Оливера Кромвеля прототипом и Наполеона Бонапарта, и... сделавшего Наполеона Бонапарта генералом вождя якобинцев Максимилиана Робеспьера) [103, с. 656], всё же отправился 18 брюмера в Законодательный корпус и прочёл ему – правда, прерывающимся голосом – его смертный приговор. Второй Бонапарт (Луи Бонапарт – М. М.), который к тому же имел в своём распоряжении исполнительную власть совершенно иного рода, чем Кромвель или Наполеон (Луи Бонапарт был законным всенародно избранным президентом республики – М. М.), искал себе образец не в летописях Всемирной истории, а в летописях Общества 10 декабря, в летописях уголовного суда. Он украл у Французского банка 25 миллионов франков, купил генерала Маньяна за один миллион, солдат – по 15 франков за штуку, с водкой в придачу и т. д.» [3, с. 200-201]. Французский народ этого не видел и об этом не знал. Он видел лишь символ – треугольную шляпу Наполеона I. Конечно, К. Маркс не был бы основоположником марксизма, если бы не увидел за Луи Бонапартом определённый класс, класс созданного Великой французской революцией парцеллярного крестьянства» [3, с. 207]. Эту идею на примере событий в России после февраля 1917 г. развивал и В. И. Ленин в работе «Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?» [101, с. 75-78]. Но класс этот выступал не как политический класс со своими чётко выраженными интересами, а как опьянённая обаянием символа масса. Эпигоны марксизма увидели у К. Маркса идею о том, что «предрассудки толкнули крестьянина к Бонапарту» [100, с. 376], но они не увидели с «зияющей», по выражению А. Зиновьева [104], «высоты» марксистских предрассудков того, что предрассудком французских парцеллярных крестьян была вера в ложный символ. Будучи лишь, как грядущий антихрист [20, с. 294], символом, а не личностью, «терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданными приковывать внимание публики к себе, как к заменителю Наполеона (символу Наполеона, так как ни на что иное он способен не был – М. М.), другими словами – совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос..., создаёт настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует её, делает её одновременно отвратительной и смешной [3, с. 217].

Такова судьба всех, кто приходит к власти, эксплуатируя себя как символ, не будучи личностью. Если личность, в которую поверили как в символ, в итоге не оправдывает оказываемого ей доверия, то это отражается и на исторической судьбе образа той личности, которая действительно была личностью и личностью пассионарной, в лучах славы которой купалась та персона, которая личностью так и не стала.

Ненависть к пустому символу, Наполеону III, перейдёт со временем и на память о Наполеоне I. И К. Маркс как истинный симвоолог это предвидел, закончив «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» мыслью о том, что, если «императорская мантия падёт на плечи Луи Бонапарта», «бронзовая статуя Наполеона I низвергнется с Вандомской колонны» [3, с. 217]. Так это и случится в 1871 г. в дни Парижской Коммуны. И сам Наполеон I не был в этом виноват.

Всё это, как и приход к власти пустого символа, так и его бесславный уход, произошло в полном соответствии с разрабатываемой нами концепцией парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [35-93] и с учением чикагской и айовской школ символического интеракционизма [4-19], историческим предшественником которых был К. Маркс [72, с. 117-119]. И не случайно Карл Маркс разобрался во всех перипетиях развития событий во Франции после февральской революции 1848 года, увидев приход к власти знаковой, символической фигуры, но ничтожной личности. Это обстоятельство не мог не заметить Б. А. Крылов [100, с. 367]. Но, находясь на «зияющей высоте» голого марксистского анализа, не дополненного подходом символического интеракционизма, он не придал этому значения. А ведь вся логика изложения более чем на сотне страниц «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса проходит именно под знаком трудно объяснимого с иных, кроме символических, точек зрения, прихода к власти ничтожной личности. Не случайно К. Маркс на страницах первого тома своего «Капитала» заметил, что «размышление над формами человеческой жизни, а, следовательно, и научный анализ этих форм вообще избирает путь противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post factum*» [105, с. 85]. И практическое значение понимания роли символа в политике не следует ограничивать культурно-символическими типами социальной стратификации и операциями с сакральными знаниями, с религиозным, научным и идеологическим манипулированием, как это понимают российские социологи Валерий Радаев и Овсей Шкаратан [106] – символ, даже если он и не парадигмальный, должен стать серьёзной категорией философии истории [72, с. 116].

Всем понятно, как приходят к власти достойные её пассионарные личности – это очевидно. Но как приходят к власти недостойные её ничтожества, можно объяснить лишь с точки зрения концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов [35-93].

Но рассмотрим ещё одного пассионария французской истории, генерала Шарля де Голля, тем более, что он становится ... символом украинских националистов.

Несмотря на всю пассионарность своей личности Шарль де Голль долго не мог сделать ни военной, ни политической карьеры. После третьего ранения на фронтах Первой мировой войны капитан Шарль де Голль «упал на поле брани обливаясь кровью, и отступающие посчитали его погибшим, о чём было сообщено его безутешным родителям» [107, с. 23]. Посмертно капитан Шарль де Голль был награждён орденом Почётного легиона.

Но капитан Шарль де Голль не погиб. В бессознательном состоянии он попал в немецкий плен, в котором он провёл около тысячи дней. Пять раз он пытался бежать, но ни разу – успешно. В плену Шарль де Голль штудировал немецкий язык, читал немецкие газеты, задумал книги, которые напишет, вернувшись во Францию. В плену он познакомился с одной из зловещих и трагических фигур русской истории М. Н. Тухачевским, тоже пассионарием, который «прославился» расстрелом тысяч заложников, катастрофой под Варшавой Западного фронта, массовым уничтожением отравляющими веществами тамбовских крестьян, бездарными военными «теоретическими» сочинениями, а также как жертва культа личности Сталина. Есть по поводу М. Н. Тухачевского и другие мнения: «Тухачевский победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы, когда в палатах древнего Кремля лежал тяжелораненый Ленин. На Урале он выиграл «советскую Марну» и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина. В войне с Польшей, отчаянным маршем во главе беспримерной, полуазиатской армии он пришёл к стенам Варшавы с криком – «Даёшь Европу!» Он взял штурмом по льду Финского залива мятежный Кронштадт. И той же весной, когда заколебалась власть Советов крестьянскими восстаниями, подавил, жестоко расстреляв, поволжскую мужицкую вольницу» (антоновское движение в Тамбовской губернии – М. М.) [110, с. 23]. Но в поддержку первой версии свидетельствуют, помимо оцениваемых с иных позиций фактов второй версии, семь тысяч убитых М. Н. Тухачевским отравляющими веществами у тамбовского села Пахотный Угол [111, с. 84]. В любом случае фронт М. Н. Тухачевского был разбит. Примечательно, что катастрофу Западного фронта М. Н. Тухачевского подготовил в штабе Юзефа Пилсудского товарищ М. Н. Тухачевского по немецкому плену капитан Ш. де Голль. После разгрома фронта М. Н. Тухачевского Ш. де Голль участвует в боях с армиями Ионы Якира и Семёна Будённого. Благодарные поляки награждают французского советника орденом Святого Венцеслава. Но после возвращения во Францию карьера шла медленно. Очередное воинское звание майора он получил лишь через 12 лет. Мало что дали для карьеры несколько выпущенных им книг: «Раздор в стане врага», «На острие шпаги», «За профессиональную армию», «Франция и её армия». Последняя книга даже рассорила его с маршалом Петеном, которому Ш. де Голль отказал сделать его «соавтором» своего труда. Ссора с Петеном заставила Ш. де Голля выразить своё мнение о Петене во время обсуждения его кандидатуры на пост министра обороны: «Не доверяйте ему, этот двуличный человек опасен...» [108, с. 138]. Будущее предательство Петена подтвердит справедливость этой оценки.

Как пишет диакон Александр Шумский, «... де Голль никогда и не стал бы руководителем Франции в либерально-сытое время, так как он, будучи носителем архетипа Жанны д'Арк, не был бы востребован французами» [109, с. 24]. Но личность с архетипом Жанны д'Арк не была бы востребована, если бы в банке народной памяти не сохранился на счету символического капитала образ Жанны д'Арк. Французы помнили, что когда после страшных поражений в Столетней войне с англичанами в стране уже не находилось епископов, чтобы венчать дофина на царство, а среди принцев, герцогов и графов, чтобы возглавить войско, всё это сделала семнадцатилетняя крестьянская девушка. В 1920 году даже католическая церковь, в своё время осудившая Жанну д'Арк на казнь, исправила свою «ошибку» и объявила Жанну д'Арк святой.

Через двадцать лет после этого символического события малоизвестный пятидесятилетний генерал, пробывший в генеральской должности всего 17 дней и не успевший получить до конца правильно оформленное генеральское звание, Шарль де Голль обращается к французскому народу с призывом продолжить сопротивление немецко-фашистским войскам уже после того, как маршалы, известные генералы и политики сдадут без боя столицу Франции Париж и более ста дивизий вполне ещё боеспособной армии.

Но, в отличие от семнадцатилетней крестьянской девушки, пятидесятилетнему профессиональному военному Ш. де Голлю французы не доверили, а с четвёртой бронетанковой дивизии, которая не только не отступала, но продвигалась вперёд и прошла всего лишь в двух километрах от штаба стремительно рвавшегося к сердцу Франции танкового клина гитлеровского генерала Хайнца Гудериана, Ш. де Голля сняли. Правящие круги Франции и командование её вооружённых сил испугались, что старый полковник со своей одной дивизией если и не победит всех немцев, то затянет войну и сорвёт их планы капитуляции страны. Конечно, если бы наступающая дивизия Ш. де Голля раздала бы штаб Х. Гудериана, что-то бы изменилось. Но, как писал выдающийся российский историк Н. Н. Молчанов, «у Ш. де Голля была слишком короткая шпага, чтобы помешать Гитлеру вонзить германский меч в самое сердце Франции» [108, с. 158].

За пятидесятилетним новоиспечённым генералом, в отличие от семнадцатилетней крестьянской девушки, французы пошли не сразу. Куда там, если за неделю до выступления Ш. де Голля по лондонскому радио 18 июля 1940 г. «живая легенда» французских коммунистов Жак Дюкло сдал своим кремлёвским шефам подробный отчёт, в котором характеризовал Ш. де Голля как «ставленника английского империализма и выходца из буржуазных кругов» [107, с. 82]. Нелюбовь к Шарлю де Голлю у Ж. Дюкло останется надолго. Чего только стоит его книга «Голлизм, технократия, корпоративизм» [112]. Странно, что Ж. Дюкло усмотрел у антифашиста Ш. де Голля фашистский «корпоративизм», которого у Ш. де Голля не было (никаких корпоративных органов власти Конституция V Республики не предусматривала), а создавшего корпоративную палату с представительством Коммунистической партии и общественных организаций М. С. Горбачева фашистом никто не назвал, а И. О. Родин и Т. М. Пименова расценили эту фашистскую реформу как «реальное усиление власти советов» [113, с. 285].

Понятно, что в обстановке такого недопонимания призыв Ш. де Голля оказался не нужным ни «буржуазным кругам», из которых вышел он сам, ни лидерам «трудового народа» коммунистам – указание Коминтерна о начале борьбы с немецко-фашистскими оккупантами Французская коммунистическая партия получила только через год, после нападения фашистской Германии на СССР. Но Франции призыв Ш. де Голля к сопротивлению летом 1940 года был всё-таки нужен. И если Ш. де Голлю не удалось спасти Францию в 1940 г., как это удалось Жанне д'Арк в 1429 г., то честь Франции в 1940 г. была спасена, что признают позже и неpassионарные французские обыватели, повторяя, что в 1940 году предатель маршал Ф. Петен «спас их мебель», а патриот Ш. де Голль «спас их честь». Но и этого могло не быть, если бы в банке народной памяти на счету символического капитала не было такой ценности как символ Жанны д'Арк.

В 1940 году во Франции через 511 лет после подвига семнадцатилетней крестьянской девушки Жанны нашёлся её последователь в лице пятидесятилетнего дворянина Шарля де Голля.

В 1914-1917 гг. в России не нашлось последователей Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, хотя со времени их подвига не прошло и двух веков. О новых Мининых и Пожарских, правда, мечтал блетящий русский полководец генерал А. А. Брусилов, герой первой мировой войны, увековечивший своё имя в знаменитом Брусиловском прорыве [114]. Но только мечтал. Казенный Минин и Пожарский, генерал Л. Г. Корнилов, не состоялся – он не «сработался» с русским Бонапартом А. Ф. Керенским. Не состоялся и такой «инициативный» Минин и Пожарский как эсер А. С. Антонов, который «для спасения Отчизны», «для выручки Москвы», «принял на себя командование всекрестьянским ополчением в г. Тамбове», «как некогда Минин и Пожарский собрали полчище народное в славном Нижнем Новгороде». «За мной, на выручку Москве», «С нами Бог и народ!» «Ко мне в Тамбов», - призывал он [115, с. 243-244]. А. С. Антонову удалось собрать и вооружить две армии. Но против М. Н. Тухачевского и П. Уборевича, Н. Е. Кокурина, Г. И. Котовского, И.Ф. Федько и И. В. Тюленева, короче, всего цвета Красной Армии с её вооружёнными до зубов бойцами и боевыми отравляющими веществами (о массированном применении отравляющих веществ у тамбовского села Пахотный Угол, в результате чего погибло 7 тысяч, уже говорилось), А. С. Антонов ничего не смог. Его Первая армия была разбита при Инжавино, а Вторая – уже при отступлении на Дон в Воронежской губернии. Тамбов так и не разделил славы второго Нижнего Новгорода. Но символа Минина и Пожарского большевики испугались, сразу же разрушив постронный князем Дмитрием Пожарским на Красной площади в Москве Казанский собор. Покушались и на сам памятник, поставленный «гражданину Минину и князю Пожарскому» «благодарной Россией», но уничтожить этот символ так и не решились. И если в России символ Минина и Пожарского не сработал, во Франции символ Жанны д'Арк сработал, вознеся к власти пассионарную личность, «носителя архетипа Жанны д'Арк» [109, с. 24], генерала Шарля де Голля.

Шарль де Голль никогда не стремился к личной власти. Когда после войны наступило «либерально-сытое время», Шарль де Голль добровольно слагает с себя полномочия главы правительства.

Его снова призовут к власти, когда Франция увязнет в трясине войны в Алжире – поражения в Индокитае «демократической» Франции оказалось мало. Но Шарль де Голль вернулся к власти не для того, чтобы довести войну в Алжире «до победного конца», а для того. Чтобы вывести Францию из той позорной ситуации, куда её завели сменявшие одно другого правительства IV Республики. Антифашисту Ш. де Голлю претил шовинизм. В 1941 г. генерал Катру от имени возглавляемой Ш. де Голлем «Свободной Франции» провозгласил независимость Сирии и Ливана. И спокойствие в этих странах сохранялось пока у власти во Франции оставался генерал Ш. де Голль. Когда после окончания второй мировой войны Ш. де Голль продолжал быть главой правительства (а фактически в отсутствие и главой государства) Хо Ши Мин пил с французскими представителями шампанское [117, с. 84-87]. И только через одиннадцать месяцев после добровольного ухода Ш. де Голя (он всегда расставался с властью добровольно – М. М.) с поста главы правительства «демократические» правящие круги Франции решились развязать в Индокитае войну. Когда Ш. де Голль был приглашён к власти снова в 1958 г., он, рискуя жизнью, вывел Францию из войны в Алжире. Все почему-то хотели видеть в стороннике «твёрдой власти» генерале Ш. де Голле защитника «французского» Алжира. Они ошибались. Слова нового премьер-министра Ш. де Голя в алжирском городе Константина «франсизасьон, ассосьасьон, сесьон» («офранцузивание, ассоциация, цессия» – М. М.) мало кто понял, да и мало кто хотел понять. Но новый премьер-министр Франции, согласившийся принять власть только с чрезвычайными полномочиями, последовательно стал проводить в жизнь третий вариант решения алжирской проблемы, третий вариант его «плана Константины», а именно «сесьон» (цессия, то есть отделение от Франции). Его не испугали смертельно опасные покушения. Смерти в бою отважный офицер, переживший во время первой мировой войны тяжелейшее ранение и плен и «посмертно» награждённый орденом Почётного Легиона, не боялся. Старый генерал только ставил после очередного покушения свечку в церкви, приговаривая «как они плохо стреляли», «у этих негодяев отвратительные снайперы» [107, с. 250]. Употребив в одном из радиовыступлений слова Алжирская Республика, фактически первым признав её правительство де-факто, Ш. де Голль пошёл на разрыв со своим верным премьер-министром Мишелем Дебре, с которым он разошёлся только в вопросе признания независимости Алжира. Не случайно Ш. де Голль решительно отговаривал президента США Джона Кеннеди от вмешательства во Вьетнаме, а после того, как сменивший Д. Кеннеди на посту президента США Линдон Джонсон втянул США в войну в Индокитае, неоднократно и решительно клеймил позором агрессию США, а также агрессию Израиля против арабских стран.

Эти факты приводятся для того, чтобы снять обвинения с одного из активнейших руководителей антигитлеровской коалиции в каком-либо фашизме. Да, Ш. де Голль не терпел каких-либо ограничений своей власти, но как только он понимал, что ему переставали доверять, он уходил. Так было и после второй мировой войны, так было и после событий 1969 г., связанных с окончательным уходом Ш. де Голя с политической арены. Примечательно, что российский историк Н. Н. Молчанов считал эти события мстью Израиля за эмбарго на поставку боевых самолётов «Мираж», за которые Тель-Авив уже заплатил деньги. Решение об эмбарго Ш. де Голль принял единолично, не советуясь ни с кем, после разбойничьего налёта израильской авиации на Бейрут 25 декабря 1968 г. [108, с. 500]. В следующем году Ш. де Голль в последний раз добровольно откажется от власти, а ещё через год его не станет.

«Имя генерала де Голя, одного из руководителей антигитлеровской коалиции, неразрывно связано для всех советских людей с совместной борьбой Советского Союза и Франции в суровые годы Второй мировой войны, с победой над фашистской тиранией», - говорилось в телеграмме советского руководства президенту Франции в связи со смертью Ш. де Голя [108, с. 508].

Личную власть законно избранного главы государства Ш. де Голя ни в коем случае нельзя путать ни с фашистской, ни с бонапартистской диктатурой. Нельзя ставить знака равенства между фашизмом и коммунизмом на основании наличия диктаторских тенденций в осуществлении власти.

Тем не менее, в вышедшей в 1997 г. в Москве книге А. А. Ивина «Введение в философию истории» [118] проводится мысль о коммунизме и национал-социализме (фашизме) как о двух основных формах коллективистического общества. «История XX в. была, прежде всего, историей противостояния индивидуалистических обществ, называемых также либеральными и демократическими, и коллективистических обществ, имеющих две основные формы – коммунистическую и национал-социалистическую» [118, с. 286].

А. А. Ивин в своих рассуждениях идёт дальше: «Существуют два главных типа человеческого общества. Первый из них – коллективистическое общество, второй – индивидуалистическое общество. Между этими двумя полюсами движется человеческая история, демонстрируя от эпохи к эпохе всё новые формы коллективизма и индивидуализма» [118, с. 3]. Конфликт между коллективизмом и индивидуализмом становится глобальным. «В индустриальную эпоху коллективизм и индивидуализм вступают между собой в непримиримую то «горячую», то «холодную войну» [118, с. 3], примерами которых могут послужить «горячая» «война национал-социализма с индивидуализмом, объединившимся на короткий период с коммунизмом» [118, с. 286] и «холодная» «война между индивидуалистическими обществами и коммунизмом, ядром которого являлся Советский Союз» [118, с. 286]. Первая война закончилась 2 сентября 1945 г. безоговорочной капитуляцией Японии (Германия безоговорочно капитулировала 9 мая 1945 г.), вторая – в июне 1992 г. подписанием Б. Н. Ельциным в США Декларации о прекращении «холодной войны» [113, с. 506], своеобразного акта о безоговорочной капитуляции проигравшей войну правопреемницы СССР России (Советского Союза уже не было – в начале декабря 1991 г. президенты России и Украины Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук тайком от президента СССР М. С. Горбачёва и президента Казахстана Н. Назарбаева приехали к Председателю Верховного Совета Белоруссии Шушкевичу и втрём в обстановке строжайшей секретности «ли-

квидировали» «великий и могучий» Советский Союз, с чем 25 декабря 1991 г. согласился и первый и последний президент СССР М. С. Горбачёв).

По А. А. Ивину, человечество обречено пребывать в прокрустовом ложе противостояния между коллективизмом и индивидуализмом со всеми вытекающими из этого противостояния «горячими» и «холодными» войнами.

Но неужели человечество не в состоянии подобрать себе ложе по росту?

Заведующий Лабораторией психоинформатики Центра информационных проблем территорий НАН Украины, главный редактор журнала новой элиты «Перехід – IV» Игорь Каганец считает выход из положения вполне возможным – это гетманат [34, с. 78, 325], власть сочетающая преимущества диктатуры и демократии. Пример такого гетманата второй половины XX столетия – это режим личной власти генерала де Голля во Франции (1940-1946 и 1958-1969 гг.). «Цей «французкий гетьман» створив найавторитарніший і водночас – найдемократичний тип президентського правління», - пишет И. В. Каганец [116, с. 4].

Не случайно 26 марта 2006 г. на пресс-конференции УНА-УНСО в Симферополе заместитель Головы УНА-УНСО Николай Андронович Карпюк заявил, что Украине нужен лидер, подобный французскому президенту Шарлю де Голлю. 26 марта 2006 г. в Симферополе не назвали имени украинского Шарля де Голля, но Н. А. Карпюк заверил, что когда время востребует такую личность, она появится. В отличие от известного советского дипломата академика И. Майского, считавшего политические тенденции Шарля де Голля «модернизированным бонапартизмом» [108, с. 206], некоторые украинские учёные и политики увидели в нём не нового французского Бонапарта, а нового украинского гетмана, случайно оказавшегося у власти не в Украине, а во Франции.

Не случайно сторонники индивидуалистического (в данный момент олигархического) общества в России «демократы» Борис Немцов и Ирина Хакамада боятся появления среди российских политиков своего Шарля де Голля [109, с. 15]. «Россия не смеет даже помыслить о том, что у неё когда-нибудь появится лидер с качествами генерала де Голля» [109, с. 16], - так думает ведущий русофоб всех времён и народов, «искажённый и обезображенный славянин» [28, с. 335], поляк Збигнев Бжезинский. Как считает дьякон отец Андрей Шумский, из высказывания этого «инфернального существа из Нового Света» можно сделать два вывода: «во-первых, Бжезинского до сих пор трясёт от воспоминаний о времени, когда вредный генерал де Голль буквально не давал передохнуть США в Европе; во-вторых, он панически боится, что в России появится свой де Голль, не Сталин (в эту возможность американский поляк справедливо не верит, ибо та Россия, бывшая в виде СССР, действительно навсегда ушла в прошлое), а именно человек деголлевского типа, понимающий современные реалии, отдающий себе отчёт в том, что Россия не может игнорировать Запад, но в то же время способный этот самый Запад поставить на место, разумно используя силовые методы. Ведь де Голль преподавал всему миру великий урок – можно эффективно противостоять США даже при наличии небольших материальных и военных ресурсов, главное – это отсутствие страха и мощная человеческая и политическая воля» [109, с. 16].

А пока в Украине националисты с надеждой ожидают своего де Голля, а в России и США с ужасом и трепетом ожидают появления де Голля российского, всё остаётся по-старому. Противостояние индивидуалистического и коллективистического начала продолжается, а уставший от произвола индивидуалистического начала демократии (читай: произвола олигархии) народ по-прежнему готов терпеть любых диктаторов: Гитлеров, Сталиных, Салазаров и Франко. В этом списке нет первого в истории фашистского диктатора Бенито Муссолини. Таких диктаторов терпеть уже не будут. В отличие от Сталина, Салазара и Франко, умерших естественной смертью, и Гитлера, покончившего жизнь самоубийством, Муссолини ушёл из жизни в результате позорной смерти через повешение за ноги. Муссолини был болтлив, а как пишет В. Суворов, «болтливость противопоказана диктатору» [121, с. 63]. «Ай да Бенито, влип знаменито», - писал о диктаторе-болтуне Демьян Бедный.

По этой же причине, из-за безответственной болтливости, не стал диктатором и М. С. Горбачёв, хотя и успел провести чисто фашистские реформы: создал присущий фашистским государствам не выборный, а корпоративный парламент и заменил коллективного главу государства (Президиум Верховного Совета СССР) на единоличного, и никто не назвал это государственным переворотом.

Таких диктаторов народ не ждёт, но вот по И. В. Сталину, занявшему третье место среди первых людей России, и по Салазару, занявшему в своей стране в подобном выборе первое место, явно скучают. Тем более, что, как считает А. А. Ивин, предсказания, касающиеся поражения коллективизма, «всегда в известном смысле ненадёжны...его идейные предпосылки вызревают медленно, но его появление и утверждение в качестве массового движения всегда было в индустриальном обществе достаточно неожиданно и занимало считанные годы» [118, с. 286].

Хотелось бы сказать несколько слов о внешнеполитических приоритетах такой пассионарной личности как генерал Шарль де Голль. О его приверженности принципу неприменения силы в международных отношениях мы уже говорили. Его реакцию на налёт израильской авиации на Бейрут, о которой мы тоже уже успели сказать, диакон Александр Шумский в своей посвящённой генералу де Голлю работе «Последний рыцарь Европы» назвал даже «политическим самоубийством» [109, с. 36]. «Совершая акт политического самоубийства, Его Величество Шарль проявляет поистине королевское мужество и героизм, заставляющий нас невольно вспомнить великий европейский эпос. Поэтому абсолютно прав был «лейтенант Рузвельта» (кличка, данная де Голлем английскому премьеру) Уинстон Черчилль, не считающий смешным уподобление генерала Жанне д'Арк. Последний рыцарь Европы пал в сражении, но он его не проиграл и по-прежнему остаётся великим примером» [109, с. 36].

Не менее драматична борьба президента Франции генерала Шарля де Голля за мирную, единую, неконфликтную Европу от Атлантики до Урала, Европу не с раздавленными национальными государствами как в современном Европейском Союзе под антинациональным прессом НАТО, а Европу Отецеств.

В ноябре 1959 года президент Франции генерал Шарль де Голль произнес: «Европа – от Атлантического океана до Уральского хребта – это та Европа, которая должна решать судьбы мира» [107, с. 190]. Идея единой Европы «от Атлантики до Урала» витала в сознании Шарля де Голля давно. В отличие от современного Европейского Союза с его наднациональными органами, он понимал единую Европу только как «Европу Отецеств», где нашлось бы место всем, в том числе и Советскому Союзу. Именно так, а не иначе мог понимать единство Европы националист и патриот Шарль де Голль. Такую идею мы можем уже видеть в телеграмме Шарля де Голля И. В. Сталину от 27 сентября 1941 г., где глава «Свободной Франции» в частности заявил: «Я не сомневаюсь, что благодаря героизму советских армий победа увенчает усилия союзников и новые узы, созданные между русским и французским народами, явятся кардинальным элементом в перестройке мира» [108, с. 202]. Шарля де Голля не поняли. Да и как можно было его понять и во Франции, где у многих было предубеждение против СССР, и в СССР, где господствовало предубеждение против всех «империалистов», в том числе и французских. Живший во время войны в том же городе, что и Шарль де Голль, а именно в Лондоне, посол СССР в Великобритании, будущий академик И. Майский считал политические тенденции Шарля де Голля ни больше ни меньше как «модернизированный бонапартизм» [108, с. 206]. Шарля де Голля начал понимать И. В. Сталин, не бывший к стати таким рабом пролетарского интернационализма как его предшественники и последователи. И. В. Сталин пошел в 1944 году на подписание с Шарлем де Голлем договора о союзе и взаимной помощи. Опасность этого договора для судеб западной парадигмы развития Европы хорошо понял Уинстон Черчилль. В самый разгар переговоров Шарля де Голля в Москве У. Черчилль неожиданно направляет телеграмму И. В. Сталину с предложением заключить трёхсторонний договор о союзе между СССР, Великобританией и Францией. Как отмечает доктор исторических наук Н. Н. Молчанов, «де Голль сразу разгадал маневр своего британского друга, опасавшегося чрезмерной независимости Франции, и категорически отклонил предложение Черчилля. Сталин, который сначала не возражал против этого предложения, согласился с де Голлем» [108, с. 286-287]. Но не чрезмерной независимости Франции боялся «лейтенант Рузвельта» Уинстон Черчилль, хотя и этого нельзя было сбрасывать со счетов. Старый английский политик и старый недоброжелатель России (чего только стоила его провалившаяся авантюра с Дараданельской операцией 1916 года) боялся Европы от Атлантики до Урала, Европы с Россией, а не без России и против России. 10 декабря 1944 года в Кремле Договор о союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Францией был подписан. После первого добровольного отказа Шарля де Голля от власти 20 января 1946 г. и смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 года СССР в период правления Хрущёва грубо, бездумно, а потому абсолютно бестолково аннулирует 7 мая 1955 года советско-французский договор от 10 декабря 1944 года. Согласившись возглавить в 1958 году правительство и став в 1959 году президентом Франции, Шарль де Голль чётко и ясно формулирует в ноябре 1959 г. свою идею Европы «от Атлантики до Урала».

Но у осуществления этой идеи было одно серьёзное препятствие – это НАТО, опутавшее Европу своими шупальцами и отвергавшее участи в нём Советского Союза (чего только стоит реакция этого блока на предложение Советского Союза от 31 марта 1954 г. о создании на основе НАТО системы коллективной безопасности в Европе при участии в НАТО СССР) [119, с. 177]. Шарль де Голль полагал, что к 1969 году, году истечения срока действия Североатлантического договора, НАТО исчезнет как анахронизм, тем более, что отказом принять в НАТО СССР этот блок лишней раз доказал свою агрессивность и абсолютную ненужность, если не опасность в эпоху начала разрядки международной напряженности. Но Шарль де Голль не хочет ждать этого года. Он был стар и торопился осуществить свои идеи при жизни. 21 февраля 1966 года на пресс-конференции президент Франции генерал Шарль де Голль объявляет о полном выходе Франции из военной организации НАТО. В последовавшей затем ноте 14 странам-членам НАТО было объявлено о выводе из состава атлантических вооруженных сил всех французских соединений, об отзыве французских штабов НАТО и об удалении с французской территории штаб-квартиры НАТО, которая находилась в Париже, ликвидации на территории Франции всех натовских баз, аэродромов, складов, трубопроводов и прочей инфраструктуры блока. Франция предъявила США график эвакуации 29 баз с 33 тысячами солдат и офицеров. Эти мероприятия должны были завершиться и завершились к 1 апреля 1967 года. Военно-стратегическая структура НАТО, опиравшаяся главным образом на французскую территорию, рухнула [108, с. 465].

Шарль де Голль назвал свою операцию против НАТО «последней важной битвой моей жизни» [108, с. 465]. У старого генерала будут ещё бои, «военные действия в тактическом звене», но стратегических операций, подобно начатой 21 февраля 1966 года и успешно завершённой к 1 апреля 1967 года, уже не будет.

Но, оставив себя без будущего после отказа в 1954 году принять СССР и получив, казалось, смертельный удар в 1966 году, НАТО выжило, а генерал Шарль де Голль в ночь с 27 на 28 апреля 1969 года в последний раз добровольно отказывается от власти, а 9 ноября 1970 г. умирает. Препятствие для создания единой Европы Отецеств, Европы от Атлантики до Урала, в лице НАТО осталось.

НАТО продолжает раскалывать Европу, как раскалывает оно украинское общество. В НАТО принимают лишь ослабленных, готовых к глобалистскому перевариванию. Сильных в НАТО не принимают. В 1954 г. в НАТО не приняли СССР. Отказывают в членстве в НАТО России. Чехословакию приняли в НАТО лишь по частям – отдельно Чехию и отдельно Словакию. Сербию НАТО долго воспитывало бомбовыми ударами. «Воспитанная» таким образом Сербия выдала своего президента Слободана Милошевича на суд, где его вместо суда, лишив возможности получить медицинскую помощь, убили 11 марта 2006 года.

Таково настоящее объединённой Европы без России и против России. Ждут в НАТО и Украину, но не сильную, а ослабленную, по крайней мере, без её пока ещё довольно-таки мощного военно-промышленного комплекса. Но раскола украинского общества НАТО уже добилось. Вошли в состав НАТО и 80% бывшего украинского континентального шельфа у острова Змеиный. Если Чехословакию втянули в НАТО в два приёма двумя кусками, то операция по втягиванию в НАТО Украины представляется гораздо более сложной и болезненной.

Но не так уж безысходно будущее Европы. У неё есть возможность и развиваться по парадигме Шарля де Голля «Европа Отецеств от Атлантики до Урала». Искусственно созданное препятствие претворению в жизнь парадигмы Шарля де Голля, которым является НАТО, можно и должно устранить, как можно и должно устранить насильственное стремление глобалистов заставить принять модель развития по сценарию США. Интересно, что если СССР хотя бы на словах, а фактически и на деле, отказывался от «экспорта революции», то США не только не отказываются от насильственного насаждения своей модели демократии и Рах Americana в целом, не только проповедают необходимость их насильственного навязывания миру, но и как фашистская Германия и её бывшие союзники уже делают это. И начинают свою экспансию, как и их фашистские предшественники со стран слабых и малых (Сербия, Ирак, Афганистан, угрозы в адрес Кубы, Венесуэлы, Северной Кореи, Ирана). Параллельно идёт переваривание бывших независимых, а ныне отказавшихся от суверенитета и принявших юрисдикцию наднациональных органов государств в котле НАТО – Европейский Союз. Всё это не поздно ещё остановить. Человечество в состоянии это сделать.

Шарль де Голль вёл свою борьбу один. Его не понимали ни во Франции, ни в Западной, ни в Восточной Европе. Французские социалисты в ответ на разрушение НАТО попытались внести в Национальное Собрание Франции вотум недоверия правительству. Не случайно у де Голля сорвалось: «Я ненавижу социалистов за то, что они – не социалисты». Недоумевали и в СССР: как это так? «Европа от Атлантики до Урала», а где же «классовая борьба», которая приведёт к торжеству «светлых идей коммунизма» во всей Европе и в мире в целом? Коммунизм со временем оказался не нужен не только в Западной Европе, но и в Восточной Европе, включая и Россию, и Украину. Социализм и коммунизм в Европе потерпели крах – их в Европе уже нет, а вот Европа от Атлантики до Урала существует, но, к сожалению, не объединённая, а разъединённая. Её разделяет блок НАТО, закрытый для России, как он был закрыт и для СССР. НАТО – организация военная, и объективно она угрожает всем, кто не является её членом. Разделение Европы по военному признаку – источник конфронтаций и конфронтаций военных. Конфронтационная парадигма развития для Европы, да и для всего мира в целом – это катастрофа. Рано или поздно человечество это осознает и откажется от опасной парадигмы развития.

Но для этого миру нужна пассионарная личность подобная генералу Шарлю де Голлю.

Выводы:

1. Роль личности в истории не сводится к «оптическому обману» как у Г. В. Плеханова [2] и не растворяется в историческом творчестве масс как у большинства марксистов. Она действительно велика, доходя у пассионарных личностей до «этнообразующего фактора».

2. Образ пассионарной личности может стать символом и в качестве такового мощным фактором в борьбе за символическую и любую другую форму власти.

3. Символом может стать и непассионарная и даже ничтожная личность, украв символическую силу другого образа, как например Наполеон III получил символическую силу Наполеона I. Став символом, оказался непобедимым Б. Н. Ельцин. Как отмечает лидер крымских коммунистов Л. И. Грач, «... если бы часть людей в ГКЧП не была такими слюнтяями, то они могли бы спокойно «растереть» Ельцина. Но с того момента, как он влез на танк и стал символом, было уже поздно» [120, с. 6]. Признаёт Л. И. Грач и символическую силу Президента Украины В. А. Ющенко, считая его «майданным символом» [120, с. 6].

4. Если ничтожная личность, эксплуатирующая какой-либо символ, приходит к власти, как например Луи Бонапарт, она оказывается в положении, когда ей приходится, по выражению К. Маркса, «совершать каждый день государственный переворот в миниатюре» [3, с. 217], погружая при этом экономику страны «в сплошной хаос» [3, с. 217].

5. Всё это самым лучшим образом объясняет (ибо ничто иное вразумительно объяснить не может), почему в Украине сменяют друг друга угрозы роспуска парламента, отставки правительства, импичмента президенту при сохранении у власти одних и тех же лиц. Короче каждый день совершается «государственный переворот в миниатюре», а экономика страны продолжает «погружаться в сплошной хаос».

Источники и литература

1. Владимиров П. П. Особый район Китая, 1942 – 1945: [Дневники] / П. П. Владимиров. – Издательство агентства печати «Новости»: М., 1977. – 544 с.
2. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории//Соч.: В 24 т. – Т.8. – М.; Л., 1923. – С. 273-306.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта//Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2 – е изд. – т.9. – С. 199-207.
4. Ионин Л. Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. – М.: Наука, 1979. – 207 с.
5. Кон И. С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
6. Интеракционизм//Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с. – С. 213.
7. Символический интеракционизм//Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с. – С. 698.

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ПАССИОНАРНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЁВА И КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ

8. Шамин Д. Н. Мид (Mead) Джордж Герберт // Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3 – е. – М.: «Советская энциклопедия», 1974. – т.16, Мёзия – Моршанск, 1974. – 616 с. – С. 211.
9. Mead George Herbert // Meyers Enzyklopadisches Lexikon – Band 15: Let – Mek. – 848 s. – Bibliographisches Institut. – Mannheim/Wien/Zurich. – s. 803.
10. Mead G. H. The philosophy of the present. Chicago: London, 1932.
11. Mead G. H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
12. Mead G. H. Geist, Identitat and Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. [hg. von Ch. W. Morris], 1934.
13. Mead G. H. Geist, Identitat and Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. [hg. von Ch. W. Morris], 1947.
14. Mead G. H. Geist, Identitat and Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. [hg. von Ch. W. Morris], 1948.
15. Mead G. H. The philosophy of the act. Chicago, 1938.
16. Піча В. М. Соціологія: загальний курс. Навчальний посібник для студентів вищих закладів освіти України. – К.: «Каравела». – 2000. – 248 с.
17. Погорілий О. І. Соціологічна думка ХХ століття: Навч. посібник. – К.: Либідь. – 1996. – 224 с.
18. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращённый перевод с английского В. Б. Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г. В. Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
19. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращённый перевод с английского В. Б. Ольшанского. – М.: Астана: Ростов-на-Дону: Феникс. – 1999. – 544 с.
20. Генон Рене. Пародия, или духовность наизнанку / в кн.: Царство количества и знамения времени // Генон Рене. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. – пер. с фр. – М.: НПЦТ «Беловодье», 2004. – 304 с. – С. 289-296.
21. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Лев Гумилёв. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 548 с.
22. Гумилёв Л. Н. Хазария и Каспий // Вестник ЛГУ, 1964. №6. – С. 95.
23. Гумилёв Л. Н. Хазария и Терек // Вестник ЛГУ, 1964. №24. – С. 76.
24. Гумилёв Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии (опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки, 1966. №4. – С. 85-94.
25. Гумилёв Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР, 1967. – №1. – С. 53-56.
26. Гумилёв Л. Н. Изменения климата и миграция кочевников // Природа. – 1972. – №4. – С. 44-52.
27. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
28. Балув Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга: «Россия и Европа». – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 280 с.
29. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Константин Леонтьев, Избранное. – М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993. – 399 с.
30. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1: Образ и действительность / Пер. с нем. – Новосибирск: Наука, 1993. – 591 с.
31. Toynbee A. J. Study of History / Abridgement by D. Somervell. London; New York, Toronto, 1946.
32. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
33. Любимова Т. Б. Предисловие к книге Рене Генона «Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира // В кн.: Генон Рене. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. – Пер. с франц. – М.: НПЦТ «Беловодье», 2004. – 304 с. – С. 3-7.
34. Каганец І. В. Арійський стандарт. Українська ідея епохи великого переходу. – К.: А. С. К., 2005. – 336 с.
35. Масаев М. Смысл и назначение истории (философско-историко-методологический аспект по К. Ясперсу) // Голос избирателя. – 1995. - №9 (86). – 18 марта. – С. 4.
36. Масаев М. В. Крымскотатарские генералы (Кая бей Балатуков и Ахмед бей Хункалов): исторические портреты // Доля. – 1999. – №1 (8). – С. 19-24.
37. Масаев М. В. Образ пострадянської демократії в рамках інтервального підходу (філософсько-історичний аспект) // Політологічний вісник. – Київ, 2000. – №7. – С. 116-124.
38. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох // Культура народов Причерноморья. – 2000. – №14. – С. 132-136.
39. Масаев М. В. Чернобыль как символ // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 10-13.
40. Масаев М. В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 14-15.
41. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27

- февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 16-30.
42. Масаев М. В. Феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии // Сборник докладов научно-практического семинара «Роль символа в науке, культуре и повседневной жизни» (27 февраля 2001 г., г. Симферополь). Симферопольская ассоциация символогов при СМКИТ «Глобус». – Симферополь, 2001. – С. 31.
 43. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 21. – С. 210-221.
 44. Масаев М. В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 22. – С. 199-205.
 45. Масаев М. В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей эпохи // Международное право. – 4/2001/13. – С. 296-304.
 46. Масаев М. В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 35. – С. 147-150.
 47. Масаев М. В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Крым на пороге XXI века: культура, наука, политика, экономика, экология. Материалы II Всеукраинской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных Крыма. – Симферополь, 2003. – С. 102-104.
 48. Масаев М. В. Крым в интервале концепций глобального политического прогнозирования (аналитические сценарии) // Н. Я. Данилевский и русская идея в XXI веке (к 180-й годовщине со дня рождения). Памятные чтения. – Симферополь: ООО ТЦ «Московский мост», 2003. – С. 52-54.
 49. Масаев М. В. Глобальные и региональные геополитические и международно-правовые последствия атлантического выбора Украины на фоне формирования парадигмального образа новой цивилизации (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 48. – Т. 1 – С. 160-168.
 50. Масаев М. В. Теория и практика политического анализа // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 50. – Т. 2 – С. 158-159.
 51. Масаев М. В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 55. – Т. 3 – С. 203-204.
 52. Масаев М. В. Феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2 – С. 96.
 53. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2 – С. 96-106.
 54. Масаев М. В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – Т. 2 – С. 148-149.
 55. Масаев М. В. Символизм древнерусской культуры как зрительного образа в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 63. – С. 135-139.
 56. Масаев М. В. Образ православной церкви как апокалиптической жены (В свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - №63. – С. 153-156.
 57. Масаев М. В. Роль библейского символа в превращении русских в россиян // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №64. – С. 104-106.
 58. Масаев М. В. Цветная политика в системе парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторические и политологические аспекты) // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 64. – С. 106-109.
 59. Масаев М. В. Збручский идол как символ русского народа и парадигмальный образ восточнославянской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 65. – С. 111-115.
 60. Масаев М. В. Образ Святой Руси как парадигмальный символ православной цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 65. – С. 140-144.
 61. Масаев М. В. Христианская символика Рене Генона // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 131-132.
 62. Масаев М. В. Христианский символизм Джона Бэлдока // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 67. – С. 150.
 63. Масаев М. В. К вопросу о роли символа в социологической науке // Культура народов Причерноморья. – 2005. - № 68. – С. 69-72.
 64. Масаев М. В. Киев как символ мировой православной цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 219-222.
 65. Масаев М. В. К вопросу о роли символа в социологической науке (в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 73. – С. 264-269.
 66. Масаев М. В. Формирование парадигмального образа инновационной модели образования: трудности и пути решения // Розвиток міжнародного співробітництва в галузі освіти у контексті Болонського процесу: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, Ялта (15-16 березня 2006 року). – Ялта: РВУЗ КГУ, 2006. – 244 с. – С. 85-88.

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ПАССИОНАРНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЁВА И КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ, ЦИВИЛИЗАЦИЙ И НАРОДОВ

67. Масаев М. В. Карл Маркс и символический интеракционизм (К вопросу о роли символа как категории философии истории) // Вісник Дніпропетровського університету. – 2006. – Вип. 13. – С. 163-174.
68. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества древнего мира в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. - № 81. – С. 110-112.
69. Масаев М. В. Троица как символ христианства и символ структуры человеческого духа в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. - № 82. – С. 68-71.
70. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Средних веков в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 85. – С. 138-141.
71. Масаев М. В. Карл Маркс и символический интеракционизм и марксизм. К вопросу о роли символа как категории философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 85. – С. 141-146.
72. Масаев М. В. Символический интеракционизм и марксизм. К вопросу о роли символа как категории философии истории // Перспективы. – 2006. – № 1 (33). – С. 111-117.
73. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Нового и Новейшего времени в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 86. – С. 111-116.
74. Масаев М. В. Онтологическое измерение структуры парадигмального образа как категории философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 89. – С. 112-119.
75. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Нового и Новейшего времени в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций (философско-исторический аспект) // Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2005. – № 2 (16). – С. 94-100.
76. Масаев М. В. Аксиологическое измерение структуры парадигмального образа как категории философии истории // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 95. – С. 53-60.
77. Масаев М. В. Праксиологическое измерение структуры парадигмального образа в качестве символа эпохи или цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 104. – С. 118-122.
78. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2007. - № 108. – С. 102-104.
79. Масаев М. В. Символ как категория философии истории в Новое и Новейшее время // Вестник СевНТУ. Вып. 78: Философия. Сб. науч. тр. / Редкол.: Ю. А. Бабинов (отв. ред.) и др.; Севастоп. Нац. техн. ун-т. – Севастополь: изд-во СевНТУ, 2006. – 276 с. – С. 70-80.
80. Масаев М. В. Символизм коллективистического общества Древнего мира в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Вісник Дніпропетровського університету. – 2006. – Вип. 14 (Філософія. Соціологія. Політологія). – С. 128-132.
81. Масаев М. В. Гносеологическое измерение структуры парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 118. – С. 103-113.
82. Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с.
83. Масаев М. В. Эрнст Кассирер и его нестандартный взгляд на символ как предмет философии истории // Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с. – С. 41-43.
84. Масаев М. В. История как борьба за символическую власть // Масаев М. В. Философия истории. Учебно-методическое пособие. – Симферополь: Доля, 2008. – 304 с. – С. 194-220.
85. Масаев М. В. Гносеологический аспект формирования парадигмального образа инновационной модели образования (философско-историческое измерение) // Розвиток міжнародного співробітництва в галузі освіти у контексті Болонського процесу: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 15-16 березня 2007 року, м. Ялта. – Ялта: РВНЗ КГУ, 2007. – С. 141-143.
86. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала и носительница символической власти (тезисы докладов международной конференции «Интеллигенция, её роль в поиске гражданского согласия в условиях общества переходного периода, Симферополь, 23-26 мая 2008 года) // Культура народов Причерноморья. – 2008. - № 134. – С. 31-32.
87. Масаев М. В. Символизм русской религиозной философии в свете концепций парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов // Колізії синтезу філософії і релігії в історії вітчизняної філософії (до 180-річчя Семена Франка). Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. – Вип. 7. – Полтава: АСМІ, 2007. – 636 с. – С. 581-598.
88. Масаев М. В. Символический капитал как категория философии истории // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). - № 1. – Сер. «Философия. Социология». – С. 190-199.
89. Масаев М. В. Интеллигенция как хранительница символического капитала // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2008. – Т. 21 (60). - № 3. – Сер. «Философия. Социология». – С. 58-63.
90. Масаев М. В. Интеллигенция как субъект символического капитала (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 144. – С. 116-118.

91. Масаев М. В. Постигание дипластики как ключа к генезису символа (философско-исторический и психологический аспект) // Сучасні наукові досягнення. – 2008: Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції. – В 3 – х т. – Т. III. – Миколаїв: НУК, 2008. – 300 с. – С. 258-278.
92. Масаев М. В., Лушкіна В. О. Сучасні аспекти філософії освіти в Україні у контексті осягнення становища вітчизняного досвіду // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. – К.: Поліграфічний центр «Фоліант», 2007. – Т. XIII. – 572 с. – С. 86-89.
93. Масаев М. В. Пададигмальні образи й символи історії України та їх роль у формуванні національно свідомої особистості в епоху демократичного оновлення України // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. – К.: Поліграфічний центр «Фоліант», 2007. – Т. XIII. – 572 с. – С. 325-329.
94. Евтеев А. Афганистан: моджахеды были бессильны против советского спецназа // Интересная газета.+. – 2005. – № 176 (357). – октябрь. – С. 11.
95. Арриан Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. – М. – Л.: АН СССР, 1962. – 384 с.
96. Аджи Мурад Полян половецкого поля. – М.: ТОО «ПИК-КОНТЕКСТ», 1994. – 352 с.
97. Тьерри О. Избранные сочинения. – М., 1937.
98. Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настаёт... Год 1789-й. – Л.: Лениздат, 1989. – 300 с.
99. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 7. – С. 5-110.
100. Крылов Б. А. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров, 3-е изд. – М.: «Советская Энциклопедия», 1971. – Т. 5 Вешин-Газли. – 1971, 640 с. – С. 375-376.
101. Ленин В. И. Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? // Соч., изд. 4-е. – Т. 25. – С. 75-78.
102. Ленин В. И. Начало бонапартизма // Соч., изд. 4-е. – Т. 25. – С. 199-202.
103. Кромвель (Cromwell) Оливер // Советский энциклопедический словарь. Издание третье. – М.: «Советская энциклопедия», 1984. – 1600 с. – С. 656.
104. Зиновьев А. Зияющие высоты. М., 1992.
105. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. Т.23. – С. 85.
106. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. – М., 1995.
107. Миревич М. Генерал де Голль: Штрихи к политическому портрету. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 320 с.
108. Молчанов Н. Н. Де Голль. – М.: Изд – во Эксмо, 2003. – 512 с.
109. Диакон Александр Шумский. Последний рыцарь Европы // Молчанов Н. Н. Де Голль. – М.: Изд – во Эксмо, 2003. – 512 с. – С. 5-40.
110. Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский / Сост. П. Г. Горелов. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 254 [2] с.
111. Чёрная книга имён, которым не место на карте России / Сост. С. В. Волков. – М.: Посев, 2005. – 288 с.
112. Jacques Duclos. Gaullisme, technocratie, corporativisme. – Paris: Editions sociales, 1966. – 166 p.
113. Родин И. О., Пименова Т. М. Вся история в одном томе / И. О. Родин, Т. М. Пименова. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 592 с.
114. Брусиллов А. А. Мои воспоминания. – М.: Воениздат, 1983. – 252 с.
115. Платонов О. А. Под властью зверя. – Украинская Православная Церковь. Полтавская епархия. Спасо – Преображенский Мгарский монастырь, 2005. – 576 с.
116. Каганець Ігор. Від газової кризи до третього гетьманату // Кримська світлиця, 2006. - №6(211), 3 лютого. – С. 4.
117. Масаев М. В. К пятидесятилетию победы вьетнамского народа под Дьенбьенфу // Культура народов Причерноморья. – 2004. – №50. – Т.2. – С. 84-87.
118. Ивин А. А. Введение в философию истории: Учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 288 с.
119. Weltgeschichte in Daten. Die Epoche des Ubergangs vom Kapitalismus zum Kommunismus VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. – Berlin, 1965. – Всемирная история. Даты и события. Эпоха перехода от капитализма к коммунизму. Перевод с немецкого В. Г. Васина, М. П. Елизаровой, Н. Н. Селезнёва. Под редакцией доцента В. Г. Васина. – М.: Международные отношения. – 1968. – 320 с.
120. Грач Леонид. Сразу после провала ГКЧП меня обвинили в измене Родине // Факты и комментарии, 2006. №151(21880, 18 августа. – С.1, 4, 6.
121. Суворов В. Самоубийство. Зачем Гитлер напал на Советский Союз. – М.: АСТ, 2008. – 364 с.